

СОЛОМОН АПТ

ТОМАС МАНН

ФТМ

УДК 82/821

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Апт, С.

Томас Манн. [Роман]. / Соломон Константинович Апт. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 750 с.

ISBN 978-5-521-74300-1

Соломон Апт (1921–2010) — российский и советский переводчик и литературовед. Широко известны его переводы Аристофана и Менандра, Эсхила и Платона. Достоянием русской советской переводческой культуры стали его переводы романов и писем Томаса Манна. Книга Соломона Апта о жизни и творчестве Томаса Манна вобрала в себя весь опыт авторского пристального чтения и перевода прозы Томаса Манна и многолетние размышления критика о творчестве классика немецкой литературы XX века — автора знаменитых романов «Будден-броки», «Иосиф и его братья» или «Доктор Фаустус», писателя, осудившего воинствующую империалистическую реакцию и вынужденного покинуть свою родину после прихода фашистов к власти. В сборник также вошли литературные очерки и эссе «Над страницами Томаса Манна».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74300-1

© Текст. С. К. Апт, наследники, 2022

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ОТЕЦ

«Мы, немцы, боимся только бога, а больше ничего не боимся на свете». Прочитав вслух эти слова из очередной речи Бисмарка, сенатор Томас Иоганн Генрих Манн вздохнул над газетой и тихо сказал:

— На самом-то деле боимся мы многого.

Он сказал это вскользь, сказал с умиленным сочувствием канцлеру и его смелому заявлению. Но в комментарии сенатора чуткое ухо сына услышало затаенную боль.

В 1888 году, когда Бисмарк произнес в рейхстаге эту гордую фразу, отцу двух будущих знаменитых писателей не было еще и пятидесяти, и на первый взгляд его положение в родном Любеке не давало поводов для тревоги и опасений. Он уже четверть века владел унаследованной от деда и отца фирмой «Иоганн Зигмунд Манн. Торговля зерном, комиссионные и экспедиционные операции». Он именовался консулом и представлял в Любеке интересы Нидерландского королевства. Кроме родительского дома, где доживала свой век его мать, у него был прекрасный дом, построенный им для жены и детей по собственному вкусу, и газета с речью канцлера читалась вслух, повидимому, в одной из удобных комнат этого дома. Он был не просто известным коммерсантом и уважаемым отцом семейства, а одним из самых известных и уважаемых горожан, одним из тех, кого называют отцами города.

Ганза — это сложившийся еще в средние века союз купцов, торговавших в странах Балтийского моря. Старинное германское слово «ганза» и значит «союз», «общество», «гильдия». Ганзейские города — а Любек чуть ли не с конца XIII века считался среди них главным — искони были маленькими

самостоятельными государствами. Во времена, о которых сейчас идет речь, Любек уже входил в состав Германской империи, и местный гарнизон, например, подчинялся девятому прусскому армейскому корпусу, но в укладе старинного города все еще сохранялись остатки ганзейской суверенности. Верховная власть в Любеке принадлежала сенату, которому город и бюргеры приносили присягу на верность. Сенат назначал судей и государственных служащих, обладал правом помилования уголовных преступников, контролировал городскую казну. Самым влиятельным из сенаторов считался тот, кто ведал налогами. А ими ведал сенатор Томас Иоганн Генрих Манн.

Забот у него было по горло. Он писал деловые письма в Лондон, Амстердам, Петербург, Копенгаген, заключал контракты с судовладельцами и купцами, следил за разгрузкой и загрузкой амбаров, названия которых — «Лев», «Кит», «Орел», «Дуб» — если и не будили воображения потомственного ганзейца, привыкшего к подобной символике, как будят наше, то все же, наверно, и на его слух дышали традицией, устоявшимся бытом, неукоснительно и незаметно напоминая ему, хозяину этих зернохранилищ, об его кровной связи с промыслом предков. Он заседал и произносил речи в сенате, ездил в гости и принимал гостей — сливки любекского бюргерства, офицеров, иногородних купцов, а визитеры, которых господин консул не мог почему-либо принять, оставляли свои визитные карточки в шкатулке, которую держало огромными лапами чучело сибирского медведя. Оно стояло на черном цоколе в прихожей прекрасного дома — подарок, полученный сенатором ко дню его свадьбы...

Но душевного покоя у него не было, все меньше радовал его ход торговых дел, и с каждым годом все больше беспокоило его будущее фирмы. В 1890 году фирме «Иоганн Зигмунд Манн» исполнилось сто лет. Ее юбилей праздновал буквально весь Любек. Город и гавань принарядились: вымпелы развевались на островерхах домах и на мачтах судов.

Сенатор Манн олицетворял в этот день целое столетие бюргерской деловитости и добропорядочности, и поздравители, семьями, в одиночку и депутациями, пешком и в колясках, всё прибывали и прибывали к дому виновника торжества. Он отвечал на приветствия, благодарил, шутил, элегантный,

находчивый, привыкший представлять и председательствовать, но настоящей радости, такой, какую, вероятно, доставило бы подобное празднество его дедам и прадедам, герой дня не испытывал.

Юбилей приятно праздновать тогда, когда ты верен духу предков и уверенно смотришь в будущее. А сенатор не находил в себе ни этой верности, ни этой уверенности. У него, как у старшего сына, хранилась — под переплетом семейной библии — пожелтевшая от времени тетрадь, куда его прадед и отец записывали на память потомкам важнейшие события из истории своей семьи. Прадед начал с даты рождения своего деда — с 1644 года. Потом пошли записи о бракосочетаниях, крестинах, смертях, о первых прорезавшихся у ребенка зубах, о болезнях, перенесенных детьми и взрослыми, о новых родственниках и свойственниках, о самых ярких житейских впечатлениях. Отец сенатора переписал заметки своего деда, обновив орфографию, и дополнил их сведениями о себе и о своих детях. Отцовские чернила давно выцвели, но какой силой, какой религиозной твердостью, какой убежденностью в том, что живешь правильно и делаешь полезное дело, веяло от этих тетрадей! Вот как писал прадед: «В 1744 году я подался в Берген, и мне пришлось тяжело работать, и сначала мне было это куда как непривычно, но вскорости я привык, благо Всевышний даровал мне весьма здоровое тело, так что я работал с охотой, и хотя иные жаловались, что им этого не выдержать, мне такое почти никогда и в голову не приходило, я был всем доволен — и сладким, и горьким: ведь я поклялся отцу, что буду честно служить и не появлюсь в отцовском городе раньше, чем через десять лет. Я мог бы, конечно, многое порассказать, будь я расположен оповещать о своих горестях, однако намерение мое состоит не в этом, а в том, чтобы помочь моим потомкам познать славу Божию». Или: «1782 года, апреля 5-го дня в 7 часов поутру родилась моя дочь Доротея Кристина Катарина, 16-го дня того же месяца крещена проповедником господином доктором Деттердингом. Крестными были: госпожа теща — госпожа сенаторша Бюлов, госпожа бургомистерша Нейкрантцен, госпожа невестка — госпожа вдова Манн. Пусть Господь взрастит ее к своей славе и наделит умом-разумом, и пусть она идет от одной добродетели к другой... Аминь. И возгласим (в подлиннике дальше

стихами. — С. А.): «Радость, радость и паки радость! Христос отвратит любую боль. Блаженство, блаженство и паки блаженство! Он милостивое наше солнце»».

Что касается деда сенатора, того самого Иоганна Зигмунда, чье имя жило в названии столетней фирмы, то и о нем семейные бумаги могли сообщить кое-какие подробности, показывавшие, как энергичен был дед, как полон он был юношеского интереса к миру, интереса, который рождается надеждами, ощущением начала большого дела и уходит от человека разочарованного и усталого. В сенаторском архиве среди прочего лежала рукопись, свидетельствовавшая одним своим затейливым заголовком о том, что атмосфера предприимчивого любопытства к жизни окружала деда даже в глубокой старости, — «Занимательное описание путешествия Иоганна Зигмунда Манна-старшего и Христиана Брокмана из Гамбурга по Англии и Брабанту 12 июля — 12 августа 1836 года». Описание это составил Брокман, спутник Иоганна Зигмунда, которому в год путешествия было ни больше ни меньше, как семьдесят пять лет. Немецкие купцы, судя по «Описанию», осматривали Лондон с энтузиазмом школьников. Они посетили зверинец, где увидели «носорога, двух жирафов, двух слонов, один из которых очень велик, волков и собак всех пород, тигров и всевозможных птиц». Побывали в доках, заглянули в винный погребок. «В погребе мы отведали прекрасных портвейнов, вино херес по 70 фунтов¹ и паксарато, которое превосходно и стоит 150 фунтов, вина и то и другое испанские. Оттуда мы направились к туннелю под Темзой, каковой после возобновления работ продвинулся на 140 футов и теперь на $\frac{5}{8}$ длины готов; землю поднимает паровая машина. Освещение газовое. За вход берут по 1 шиллингу с человека». Подобным же образом описаны были и другие достопримечательности английской столицы: таможня, рыбный рынок «Биллингсгейт», банк. Лондонский банк вызвал у путешественников-коммерсантов профессиональное восхищение: «Нам показали книги, как быстро и легко всё можно найти, всё в алфавитном порядке от А до Z, вот так: BA, BB, BC, BD. Всякий, кто продает другому кредитный билет или государственный, или банковский вексель, должен сам проставить сумму и расписаться в уже напечатанной схеме, кото-

¹ Судя по цифрам, купец указывает оптовые цены.

рая гласит: «Этот документ передаю господину NN». И в записях о Брюгге, Антверпене, Люттихе (Льеже), где Иоганн Зигмунд-старший и его спутник побывали на обратном пути в Германию, чувствуется все та же пытливая и жизнеутверждающая открытость миру. Что угнетало сенатора, что проводило между ним и этими предприимчивыми, уповавшими на будущее людьми, преемником которых он родился, незримый рубеж? Конечно, времена были другие, чем сто или даже пятьдесят лет назад. И Любек уже не играл той первостепенной роли в морской торговле, к какой город привык за несколько веков и на которой в конечном счете основывалась сословная гордость его патрициев. В 1878 году правительство Бисмарка ввело высокие таможенные тарифы, после чего ввоз дешевого русского зерна, составлявший важнейшую статью дохода любекских негодантов, значительно сократился. Кроме того, в конце XIX века Любеку было трудно поспевать и за своим восточным соперником — Штеттином, который стал морскими воротами промышленного Берлина, и за Килем, который после постройки судоходного канала как бы приблизился к Северному морю, и уж подавно с Гамбургом, который стал портом мирового значения. Но дело было не просто в общегерманских переменах. Сословная гордость — вещь живучая, она не спешит смириться, принять во внимание неблагоприятную для нее историческую обстановку, отречься от себя самой, уступить доводам разума, покуда эти доводы остаются теоретическими. Иные любекские патриции, добрые приятели сенатора Манна, продолжали торговать, строить, ходить в церковь со стародедовской бодростью, несмотря на то, что новые времена неотвратимо обрекали их город на провинциальный застой. Да ведь и сам сенатор с удовольствием читал речи Бисмарка, они согревали душу сыну немецких купцов обилием точных цифр и национального пафоса, хотя, по существу, централистская политика рейхсгрюндера (основателя империи), отменившего еще в 1866 году привилегии цехов и торговых объединений, не сулила небольшой любекской фирме, и так-то уж не процветавшей, решительного подъема в делах.

Если у сенатора Манна не было уверенности в будущем, если он потерял вкус к своей разнообразной деятельности, то на это имелись причины более близкие и прямые. Из-за особого стечения его семейных обстоятельств и из-за

его особых природных задатков — педантизма, прилежания, повышенной ранимости — общая тенденция эпохи, означавшая конец бюргерской патриархальности, приобрела для сенатора всю остроту частного случая, личной судьбы.

Старые торговые дома всегда бывали сильны родственными связями. Женитьба сына, как правило, прибавляла к его доле в отцовском капитале приданое жены и деловую поддержку тестя, а замужеству купеческой дочери обычно предшествовало ознакомление ее отца или братьев с приходо-расходными книгами жениха. Ни старшая сестра сенатора Манна, Элизабет Амалия Ипполита, ни его младший брат, Фридрих Вильгельм Лебрехт, не стали ему опорой. Сестра дважды выходила замуж, и оба раза неудачно. Первый ее муж, гамбургский коммерсант, добился ее руки, находясь уже на грани банкротства и введя в заблуждение будущего тестя поддельными бухгалтерскими книгами. Не прошло и года, как обман раскрылся, но восемьдесят тысяч марок, составлявшие приданое сестры, ушли в дырявый карман проходимца. Во второй брак она вступила уже бесприданницей, брак этот тоже оказался недолгим, и забота о сестре легла навсегда на плечи сенатора. На другого мужчину в семье — их младшего брата — положиться нельзя было. Веселый, легкомысленный человек, он не вмешивался в дела фирмы, не пекся о сохранении патрицианского достоинства — и собственного, и своих близких, а проживал доставшуюся ему долю отцовского наследства себе на радость, а манновскому капиталу в ущерб.

На своих детей, как на продолжателей коммерческих усилий предков, сенатор тоже не возлагал надежд. У него было их пятеро, три сына и две дочери. В расчет, когда дело шло о преемниках, приходилось принимать, естественно, только мужчин. Но младший, Виктор, был еще младенцем, он родился в год пятидесятилетия сенатора и столетия фирмы, и сенатор, конечно, мог сомневаться в том, что доживет до его возмужания. Относительно старшего, Генриха, было уже ясно, что торговать зерном он не станет. Он рано проявил склонность к литературе. Сенатор вовсе не был столь ограниченным человеком, чтобы вообще не понимать гуманитарных влечений. Он сам с удовольствием слушал, когда на бехштейновском рояле, стоявшем в светлой, с эркером, гостиной выстроенного им дома, играла его супруга и мать его детей, а во время каникул,

укрывшись на Травемюндском взморье в плетеном кресле-палатке, тайком — ведь это был все-таки вольнодумный автор — читал романы Золя. Но примириться с тем, что его сын, естественный наследник столетней фирмы, решил построить свою жизнь на такой сомнительной основе, как литературная деятельность, сенатору было трудно. Правда, Генрих не был похож на своего легкомысленного дядюшку, для начала он занялся как-никак реальным делом, более соответствовавшим его эфемерным замыслам, чем операции по продаже зерна, делом хоть и не традиционным для Маннов, но тоже почтенным. Восемнадцать лет, в 1889 году, не закончив гимназии, он уехал из Любека в Дрезден и поступил учеником в фирму книгопродавца. И все-таки сенатору было уже ясно, что старший сын — отрезанный ломоть. Время показало, что в этом сенатор не ошибался. Забегая вперед, скажем, что Генрих приехал потом в родной город только один раз за всю жизнь, и то ненадолго — на похороны отца. Старинная библия и чучело медведя перешли через много лет не к старшему, а к среднему сыну.

Но в тот переломный для семьи 1891 год, когда сенатор, предчувствуя свою скорую смерть, составлял завещание, этому среднему сыну, Томасу, было всего шестнадцать лет. Завещая ликвидировать фирму, отец принимал в соображение ее пошатнувшиеся дела, собственную усталость и, конечно, юный возраст и неопытность возможного наследника — Томаса. Из-за сдержанности второго сына отец, умирая, не знал о нем того, что тот знал о себе уже на исходе детства. Да, в упомянутый нами день столетнего юбилея Томас испытывал щемящее чувство. Он понимал, что не станет продолжателем дела отцов в той форме, какой молча от него ждали, и не поведет в будущее старую фирму. Впрочем, и своего старшего сына, да и дочерей тоже, сенатор, судя по характеристикам, которые он дал им в набросках своего завещания, знал не исчерпывающе. Но много ли на свете отцов, чьих прогнозов о детях не опровергала впоследствии жизнь?

Итак, завещание. Человек дисциплины и долга пишет его в ожидании хирургической операции. Он не стар, ему только пятьдесят один год, но самообладанию, с каким он сводит последние счета с жизнью, может позавидовать и глубокий старик. Он привык все предусматривать и за все отвечать и

не изменяет этой привычке перед лицом смерти. Приказ о ликвидации фирмы — это для него не просто признание своего коммерческого неуспеха. Это отречение от дела жизни, собственноручное разрушение формы, в которой протекало бытие его предков, его собственное и покамест еще, как бы они ни восставали против нее, его детей. Он разрушает ее с полным соблюдением ее же требований. Он отписывает по тысяче марок музейному фонду города и страховой кассе купеческих вдов, по три тысячи больничной кассе помощников весовщиков зерна и кассе грузчиков и так далее. Он сам заготавливает скупой текст извещения о своей смерти — от имени жены: «Сегодня, на пятьдесят первом году жизни, скончался сенатор Томас Иоганн Генрих Манн. Скорбящие родственники просят о тихом соболезновании. Юлия Манн, урожд. Брунс». Он дает и другие регламентирующие указания: «Я хочу, чтобы в гробу голова моя была наклонена немного вправо, как если бы я спал. В правой руке — маленький крест, деревянный или слоновой кости, левая рука — чуть касается правой. Не нужно цветов в руках, и руки не складывать... Гроб лучше выставить в большой передней комнате... При начале панихиды можно отворить двери на площадку перед домом... Музыка может быть та же, что на похоронах моей матери. Если удастся исполнить хорал “Приими длани мои”, пусть сыграют его».

Сенатор привык к сухому и точному языку контрактов и деловой переписки. Пользоваться пером и чернилами для излияния эмоций не в его правилах. Когда он говорит о детях, особенно о старшем сыне и дочерях, волнение в боль облекаются в осторожные, назидательные, логически четкие фразы: «Опекунам я вменяю в обязанность содействовать *практическому* воспитанию моих детей. Насколько это возможно, надлежит противиться склонности моего старшего сына к так называемой литературной деятельности. Для основательной, успешной деятельности в этом направлении у него, по-моему, нет предпосылок — достаточного образования и обширных знаний. Подоплека его склонности — мечтательная распушенность и невнимание к другим... Второму моему сыну не чужды спокойные взгляды, у него добрый нрав, и он найдет себе практическое занятие. От него я вправе ожидать, что он будет опорой матери. За моей старшей дочерью Юлией придется строго следить. Ее пылкую натуру нужно